

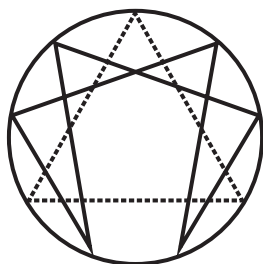
Tobias Churton

DECONSTRUCTING
GURDJIEFF

Biography of a Spiritual Magician

Тобиас Чертон

РАЗБИРАЯ
ГУРДЖИЕВА

Биография духовного мага

«СОФИЯ»

2 0 1 8

УДК 141.339
ББК 88.4
Ч-50

Перевод с английского М. Нечаевой

Чертон Тобиас

Ч-50 Разбирая Гурджиева: Биография духовного мага /
Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «Со-
фия», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-906897-34-3

Тобиас Чертон, всемирно признанный авторитет в области истории западного эзотеризма, биограф Алистера Кроули и Уильяма Блейка, автор многих работ о гностицизме, масонстве и розенкрейцерстве, посвятил эту книгу подробному разбору биографии Георгия Гурджиева с целью «показать правду, которая скрывается за его самодельной мифологией». Автор подробно анализирует молодые годы Гурджиева, его духовные связи с езидами, суфиями и масонами, влияние на дореволюционное эзотерическое движение в России, контакты с реальными и вымышленными «замечательными людьми», предпринимательские таланты и просветительскую деятельность и многие другие аспекты жизни выдающегося духовного учителя.

УДК 141.339
ББК 88.4

DECONSTRUCTING GURDJIEFF
Biography of a Spiritual Magician
Copyright © 2017 by Tobias Churton

Публикуется с разрешения Inner Traditions International (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Все права зарезервированы, включая право на полное
или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906897-34-3 © ООО Книжное издательство «София», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.	6
Предисловие. Caveat lector	9
Глава 1. Таинственный чужестранец	21
Глава 2. Прояснение обстоятельств рождения	42
Глава 3. Дитя войны	54
Глава 4. Протоиерей Борщ и другие энтузиасты.	77
Глава 5. Духовный вопрос	98
Глава 6. Безумно влюбленный.	114
Глава 7. Книги.	135
Глава 8. В поисках братства	151
Глава 9. Езиды	173
Глава 10. Гурджиев–предприниматель и его необъяснимые странствия.	192
Глава 11. Записки путешественника и пули в ноге. . .	215
Глава 12. Еще две пули	251
Глава 13. Святая матушка Россия	266
Глава 14. Борьба магов	283
Глава 15. Октава и эннеаграмма	296
Глава 16. Международное сообщество идеологических рабочих.	320
Глава 17. Человек без гражданства	328
Глава 18. Учение	348
Глава 19. Зверь 666 и черный дьявол	359
Глава 20. Долгое восхождение	370
Глава 21. Безымянная могила	381
Примечания	387
Библиография.	410

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь я хотел бы выразить признательность Майклу Мэнну, редактору издательства «Уоткинз паблишинг». Он первый навел меня на мысль о том, что пора бы написать новую биографию Гурджиева. Именно Майкл был заказчиком предыдущей биографии, «Гурджиев: анатомия мифа», написанной Джеймсом Муром, и он же сделал мне щедрое предложение, результатом которого стала настоящая книга. Майкл страстно желал «пробудить» мир от того самоубийственного безумия, в которое он погрузился. Все, что можно было сделать для удовлетворения этого желания, — увы, далеко не такого распространенного, как хотелось бы, — я сделал. Гурджиев способен помочь нам понять, как мы оказались в нынешней ситуации и как нам из нее выйти.

Еще я хотел бы выразить глубокую признательность Джону Грэхэму, рецензенту издательства «Иннер традишнз», чья вера в проект и в его автора позволили закончить книгу. Воодушевление и поддержка, оказываемые Джоном в самой чуткой и дружелюбной манере, уже на протяжении многих лет являются источником неисчерпаемого вдохновения, и данный проект особенно выиграл от его глубокого понимания материала и ценных замечаний.

Читатели, знакомые с работой Пола Бикмена Тейлора «Г. И. Гурджиев: новая жизнь», в которой исправлены многочисленные ошибки, допущенные в прошлые годы биографами этого выдающегося человека, могли обратить внимание на то, что в своем предисловии Тейлор употребил выражение «в неопределимом долгу» по отношению к Майклу Бенхаму из Мельбурна и Герт-Яну Блому из Амстердама. Майкл Бенхам заинтересовался моим проектом создания новой биографии Гурджиева и щедро делился своими поистине энциклопедическими знаниями, полученными в ходе детальных исследований жизни и философского наследия Гурджиева.

Он лично бывал в местах, сыгравших ключевую роль в жизни Гурджиева, — таких как Карс, Ани, Александро-

поль (Гюмри), Тбилиси и Ереван. Он внимательно следит за всеми исследованиями, проводимыми в России и других странах. Кроме Пола Бикмена Тейлора, он оказывал поддержку Джеймсу Муру, Душке Ховарт и Дж. Уолтеру Дрисколлу в написании их работ, посвященных Гурджиеву. Майкл Бенхам не просто редактировал многие известные сочинения о Гурджиеве, но на протяжении десяти лет был помощником и редактором Душки Ховарт, доверившей ему черновики своей (написанной в соавторстве с Джессмин Ховарт) книги *«Все зависит от нас самих: мать, дочь и Гурджиев, совместные мемуары и семейный фотоальбом»*. Майкл был одним из немногих, кто поддерживал Душку Ховарт перед лицом противодействия и критики.

Узнав, что я собираюсь добавить свое имя к длинному списку биографов Гурджиева, Майкл Бенхам весьма любезно связался со мной и предложил свои услуги в качестве редактора, взяв на себя обязанность проверить фактический материал, легший в основу этой книги. Это был невероятно великодушный жест, принятый мною с огромной радостью и благодарностью. Книга очень и очень выиграла от пояснений и комментариев Майкла по целому ряду вопросов. Хотя мне пришлось исправить множество мелких огрехов, для меня было большим облегчением узнать, что, с точки зрения Майкла Бенхама, я нигде не «сел в лужу», за исключением одного пункта, в котором опирался на предоставленную Майклом другому биографу информацию, оказавшуюся после недавних исследований, предпринятых другими людьми, ложной. Включение этой новой информации (касающейся масонской логи, якобы основанной Гурджиевым в 1909 году) в мою книгу стало неоспоримым преимуществом, потому что теперь эта биография, предназначенная для людей, уже кое-что знающих о Гурджиеве и желающих лучше узнать и понять его судьбу и философию, с полным правом может считаться самым современным и точным исследованием его жизни и наследия на данный момент.

Все биографы и авторы, пишущие о Гурджиеве, будут в вечном долгу перед работой, проделанной семьей Гурджиева, которую иногда представлял Валентин Анастасьев, а также Жанной де Зальцман, которая исполнила

волю учителя, желавшего, чтобы «все, что он узнал о внутреннем мире человека» было разделено с «с подобными ему сущностями». Мы все должны быть благодарны друзьям, последователям и коллегам Гурджиева за переводы и распространение его книг «Встречи с замечательными людьми», «Рассказы Вельзевула своему внуку» и «Жизнь реальна только тогда, когда “Я есть”» ради просвещения и пробуждения человечества*. И даже если эти книги не всегда предоставляют нам искомую информацию о жизни Гурджиева, они совершенно точно остаются весомыми свидетельствами удивительной природы его ума.

Карта российской Закаспийской области в начале XX века, на которой показана Закаспийская железная дорога, идущая от Красноводска на восток через Ашхабад, Мерв, Чарджуй, Бухару, Самарканд и Черняево до Маргелана. Это важнейшие пункты, в которых разворачиваются события, описанные Гурджиевым во «Встречах с замечательными людьми».

* Валентин Анастасьев писал «от имени семьи» во вступительном замечании к переизданию книги «Жизнь реальна только тогда, когда “Я Есть”» в 2011 году. Жанна де Зальцман написала предисловие, в котором подчеркнула, что Гурджиев хотел публикации всех трех книг. — Здесь и далее прим. автора, если не указано иначе.

ПРЕДИСЛОВИЕ. CAVEAT LECTOR*

Биографы Гурджиева неизменно сталкиваются с серьезным затруднением — практически полным отсутствием достоверных и независимых письменных данных, освещающих жизнь Гурджиева до его приезда в Москву, в 1912—1913 годах. Информация о последующем периоде, вплоть до революции 1917 года, тоже весьма скудна. А между тем в 1917 Гурджиеву было не меньше сорока лет. Это был человек с давно сложившимся мировоззрением, уверенно идущий по избранному им пути, без колебаний следующий той судьбе, которую сам же сформулировал и провозгласил. Все это определялось опытом предыдущих лет. Но что мы знаем об этих годах? Что касается документального, фактического их подкрепления, имя Гурджиева встречается лишь в немногих официальных бумагах, и те не слишком достоверны. Рухнувшая Российская империя многое погребла под своими обломками. Беспokoйный двадцатый век с его бесчисленными конфликтами и свойственным тоталитарным режимам вандализмом окончательно запутал всякую историческую преемственность, следы которой, сложись обстоятельства иначе, мы могли бы отыскать в кавказских и закавказских регионах, где прошло детство Гурджиева. Сам Гурджиев уничтожил все свои бумаги в 1930 году во время затянувшегося личного кризиса. Не осталось ни писем, ни дневников — ничего. Что же касается воспоминаний современников, то они зачастую чересчур субъективны и противоречат как друг другу, так и достоверно известным фактам.

Будучи человеком необычным и обособившимся от окружающих, эдаким «шпионом» в нашем хаотичном и столь непростом мире, Гурджиев целенаправленно и беспрестанно овеществлял всех, кто встречался ему на жизненном пути; и даже если его поведение с тем или иным человеком казалось естественным, мы никогда не сможем сказать достоверно, было ли оно действительно

---

* Предостережение читателю (лат.)

искренним, или это была очередная тонкая манипуляция. Альфред Ричард Ораж, первый представитель Гурджиева в Нью-Йорке, придерживался мнения, что о его учителе нельзя судить так же, как о других людях; последователям Гурджиева приходилось либо мириться с диктатом и цветистыми оскорблениями, либо уходить. Первое же наблюдение Петра Демьяновича Успенского, одного из самых влиятельных таких последователей, сделанное им еще в 1915 году в Москве, заключалось в том, что Гурджиев постоянно играет какую-то роль. То был не один человек, а множество людей, являвшихся во множестве образов. Что он прятал под этими личинами? А может, не прятал, а *прятался сам?*

После распада Советского Союза биограф Гурджиева Пол Бикмен Тейлор сумел не только рассеять множество давнишних заблуждений и исправить превратно истолкованные факты, касающиеся жизни и деятельности Гурджиева, но и познакомить последователей великого мистика с некоторыми церковными и административными записями из Грузии и Армении, бывших провинций Российской империи, которые теперь стали независимыми государствами и начали активно контактировать с внешним миром. Подобные документы зачастую становятся источником противоречивых свидетельств относительно близких и дальних родственников Гурджиева. Ими активно пользуются, чтобы найти подтверждение историям о жизни и приключениях, поведенным самим Гурджиевым в интереснейшей книге *«Встречи с замечательными людьми»*, которая была написана в 1924 году и опубликована после его смерти. Это вполне естественно и оправданно. С другой стороны, при работе с такими документами встает вопрос об исторической достоверности описанных в книге событий. И здесь мы сталкиваемся с проблемой, решение которой весьма неоднозначно.

Если мы прибегаем к внешним источникам, чтобы подтвердить свидетельства самого Гурджиева, это подразумевает, что мы доверяем его свидетельствам, а официальные документы используем в качестве доказательства их достоверности. Однако и своеобразная манера, в которой Гурджиев рассказывает о событиях своей жизни,

и цели, которых он стремился таким образом достичь, попросту не позволяют нам, как привыкли делать биографы и историки, автоматически поставить знак равенства между фактами, действительно имевшими место, и их изложением в книге. Вопрос звучит так: *можно ли доверять самому Гурджиеву в том, что касается достоверности его жизнеописания?* Как бы нам ни хотелось ответить утвердительно, мы не можем закрыть глаза на клубок загадок и противоречий, возникающих при прочтении автобиографии Гурджиева, появлению которых он, вне всяких сомнений, сам способствовал.

Во введении к *«Встречам с замечательными людьми»* [П-1] Гурджиев объясняет, что одна из причин, побудивших его написать эту книгу, — стремление избежать необходимости отвечать на расспросы о его жизни и, главное, о его убеждениях. Он сетует, что подобные расспросы становятся досадной помехой, отвлекающей от куда более важных и интересных тем, и задают эти вопросы исключительно из «праздного любопытства». Собеседников, интересующихся его жизнью, он называет «бессовестными бездельниками». Тем не менее, чтобы удовлетворить их любопытство, «просматривая материал, предназначенный для этой книги», Гурджиев решает «оформить его в виде отдельных историй, служащих подтверждением какой-либо идеи и косвенно отвечающих на вопросы, задаваемые... наиболее часто». Вот эти вопросы: с какими замечательными людьми он встречался? Какие «чудеса» повидал на Востоке? Есть ли у человека бессмертная душа? Обладает ли человек свободой воли? В чем причина страданий? Следует ли доверять «оккультным наукам»? Какова природа гипноза, магнетизма и телепатии? Как он впервые заинтересовался этими вопросами? Что привело его к созданию системы, практикующейся в институте, который носит его имя?

Но у Гурджиева были и другие цели, когда он составлял текст под таким любопытным названием, на первый взгляд кажущийся автобиографичным.

«Встречи с замечательными людьми» никоим образом не являются автобиографией. Заметьте, режиссер Питер Брук в 1979 году, взяв за основу эту книгу Гурджиева,

снял художественный фильм. В некотором роде «Встречи» могли бы стать голливудской версией истинной (пусть и ненаписанной) автобиографии Гурджиева, ибо их автор следует принципу «не позволяй фактам вставать на пути у хорошей истории». Вот только если голливудские продюсеры придерживаются этого принципа в погоне за славой и деньгами, то Гурджиев, сам утверждающий, что создает «новый тип» литературы, осознанно придавал событиям своей жизни, как и плодам своего воображения, ту или иную форму, используя их в качестве *иллюстраций к своей системе*. Он инсценировал *идеи*. Персонажи его книги вполне могут быть воплощением тех или иных понятий или функций психики (например, инстинктивное действие); они играют свои роли. И если такие идеи вполне реальны, то играющие их отдельные персонажи могут быть и вымышленными, пусть их поведение порой кажется вполне естественным.

Получившуюся в итоге книгу можно было бы охарактеризовать в терминологии драматурга Бертольда Брехта (1898—1956) как *lehrstücke*, «учебную пьесу». Это своего рода экспериментальное, учебное произведение, в котором актеры принимают на себя роли, входят в состояния и демонстрируют поведение, выходящее за рамки привычного разграничения сцены и зрителя, идеи, образа, события и реальности, факта и вымысла. Брехт провозгласил, что реализм должен не механически воспроизводить действительность, а показывать ее такой, какой она должна быть. Этот принцип вполне можно отнести к библейским притчам. Притча о добром самарянине куда больше рассказывает нам о реальности и о человеческом идеале, чем могло бы рассказать журналистское сообщение о разбойном нападении, произошедшем на дороге в Иерихон.

В книге Гурджиева автор становится и главным действующим лицом, и повествователем, а фрагменты его жизненного опыта, фантазий, мыслей и вычитанных идей — а также то, как он интерпретирует фантазии и ожидания своих читателей, — оживают в лице персонажей и начинают играть свои роли. Гурджиев вторит им на протяжении всей книги. Как мы узнаем позднее, такой

метод повествования был почерпнут им из детства. Отец Гурджиева был *ашугом* — сказителем–бардом, развлекавшим жителей Закавказья исполнением древних легенд. Благодаря ашугам, владевшим мастерством пения и стихосложения, виртуозам искусства «театра одного актера», оживали древние легенды и народные сказания; вековая мудрость представляла перед зрителем в хитросплетениях импровизированных ритмов и мелодий. Иван Иванович (кажется, так звали отца Гурджиева), как и ставший впоследствии известным его сын, никогда не испытывал недостатка в зрителях; он умел *увлечь* аудиторию. Магия слова и музыки служили здесь и целью, и средством: сказитель старался дотянуться до самых потаенных уголков души зрителя, будил его доселе дремавшее воображение, как индивидуальное, так и коллективное; добивался, чтобы оно стало и установкой, и обстановкой для оживших сказаний, которые ашуг черпал из архетипических образов, порожденных тысячелетиями копившегося человеческого опыта. Очевидно, что Гурджиева привлекали актеры, танцоры, музыканты, художники, антрепренеры и сказители — все те, кто тонко чувствует силу символа и знает способы его зашифровки в искусственно созданной среде. Актеры на лету схватывают дух гурджиевских произведений, в то время как умы более прозаичные, порой более тревожные, — а именно такие составляли большинство учеников и последователей Гурджиева, — бесплодно, порой годами, бьются над его загадками. Такие люди воспринимают манеру Гурджиева сгущать краски чересчур серьезно, вечно воспринимая «Черного Дьявола» чересчур буквально, возможно — чересчур почтительно.

Науку Гурджиев воспринимал как средневековый маг, а не как современный ученый. Он едва скрывал свое презрение к тому, что сегодня называют, подумав только, высшим образованием! Лично у меня сложилось впечатление, что Гурджиев так вскидывался, едва речь заходила об университетском образовании, потому что сам диплома так и не получил. В результате в его работах то и дело встречаются страстные нападки на тех, кого он называл «умниками», — довольно обидное слово, появляющееся как в его книгах, так и в устных выступлениях

с поразительной, порой утомительной настойчивостью. Последователи подхватили и распространили это выражение, чтобы с высот самопровозглашенного образования уничтожать им критиков. Под «умниками» Гурджиев подразумевает тех самовлюбленных всезнаек, которые умеют заговорить зубы кому угодно, но почти лишены как здравого смысла, так и каких-либо практических навыков. Они прибегают к софизмам и витиеватым выражениям с единственной целью произвести впечатление на легковверного собеседника и завоевать себе фальшивый авторитет. Отсутствие глубоких знаний такие люди скрывают высказыванием истин, которые суть не более чем очевидные выводы из фактов. Короче говоря, это люди, не способные к духовному восприятию, подобные тем, кто исповедует религию внешне, но отрицает ее внутреннюю сущность (см. Второе послание к Тимофею, 3: 5–7). Зачастую высказывания философа-самоучки куда более осмысленны и легки для восприятия, чем сомнительные речи такого умника, «профессионала», вторящего авторитетам и ориентирующегося не на истину, а на то, в каком виде и каким СМИ будут проданы его идеи. Гурджиев был выпускником «школы жизни»: циником, уничтожавшим циников. Возможно, для подкрепления своих взглядов Гурджиев, смешав воедино миф и реальность, и выдумал свое Сармунское братство, истинную школу мудрости. Члены этого братства отличались столь кристально чистыми помыслами, столь выдающимися душевными качествами и столь феноменальными способностями к духовному прозрению, что просто не желали мараться, связываясь с современным образованием, основанным на письменных работах и бессмысленной зубрежке.

В отличие от ученых мужей, «профессиональных болтунов», получивших официально признанное образование, разносторонне образованный самоучка-Гурджиев мог в любой момент обратиться к любой сфере деятельности. Более того, он удивительным образом умел убеждать людей заняться тем, о чем они раньше и помыслить не могли. Создается впечатление, что с таким человеком можно было, как говорится, смело отправляться в разведку. Гурджиев позиционировал себя как человек, чьи

слова не расходятся с делом. Вот только, к большому сожалению историков и биографов, к «делу» слишком часто примешивался художественный вымысел. Гурджиев не хотел, чтобы люди шли по *его* пути: он хотел, чтобы каждый нашел свой собственный путь. До сего дня многочисленные последователи Гурджиева рыщут по местам, описанным во «*Встречах с замечательными людьми*», и не встречают ничего похожего на то, что он описал в своей книге. Либо встречают и проходят мимо, не обратив внимания. В любом случае, кто бы сегодня ни отправился в путешествие по Средней Азии, вряд ли ему удастся избежать приключений и интересных встреч! Кстати, книга Гурджиева могла бы стать отличным подспорьем для туристического бизнеса в Средней Азии; не исключено, что прямо в этот момент кто-то пытается повторить его маршрут. Если бы Гурджиев был не христианином с весьма оригинальным взглядом на религию, а турецким мусульманином, Турция точно сумела бы извлечь выгоду из его автобиографии. И уж во всяком случае Армения является кандидатом номер один на организацию туристического маршрута «По следам Гурджиева»; это лишь дело времени.

Впрочем, «*Встречи с замечательными людьми*» являются замечательным произведением хотя бы потому, что подчеркивают: истинная ценность жизни проявляется лишь тогда, когда в жизнь сознательно вносится мистическое измерение; когда человек, твердо стоящий ногами на земле, мысленно охватывает Вселенную и выходит за ее пределы. Замечательные люди умеют видеть то, что остается сокрыто от глаз обывателя. Такие люди привлекают наше внимание. Был ли Гурджиев одним из них?

«*Встречи*» Гурджиева (так мы впредь будем называть его «*Встречи с замечательными людьми*») являются собранием отдельных историй, написанных, как напрямую утверждает сам автор, для того, чтобы удовлетворить любопытство «бессовестных бездельников», то есть наше с вами любопытство. Эта книга является ответом в том смысле, в котором притча о добром самарянине является ответом на заданный Иисусу вопрос: «А кто мой ближний?» Нелишним будет напомнить, что «*Встречи*» были

написаны сразу после того, что Гурджиев называет своей первой книгой, — после «*Рассказов Вельзевула своему внуку*». В этом еще более необычном, местами нарочито абсурдном и многословном произведении Гурджиев говорит устами Вельзевула, путешествующего сквозь время и пространство, Вельзевула, который перешел через «последний рубеж» в том смысле, который придают этому выражению персонажи «*Стартрека*». А Вельзевул между тем рассказывает свои истории, прикидываясь Гурджиевым! Разыгрывание ролей, сказания и притчи — таков «ответ» Гурджиева на заданные ему вопросы.

Увы, биографы то и дело неизбежно попадают в ловушку, слишком легко подменяя факты представлениями Гурджиева о реальности. Ошибка, неизбежная, когда речь заходит о магии. Истинная магия напрямую связана с преобразующей силой воображения, недаром Гурджиев был мастером гипноза, чего он никогда и не скрывал. Порой Гурджиев приходил к выводу, что лучшим способом показать реальность такой, какая она есть, будет ее точное воспроизведение. И тогда он рассказывает историю в точности так, как ее запомнил. Приобретая некоторый опыт, пользуясь интуицией и здравым смыслом, вы начинаете различать, где автор предоставляет более или менее достоверные, хотя и тщательно отобранные сведения, а где начинаются те части произведения, в которых Гурджиев, руководствуясь то ли собственной интуицией, то ли какими-то соображениями, то ли минутной прихотью, ставит на первое место свои абстрактные педагогические приоритеты и повествовательные стратегии. Тогда факты заканчиваются и начинает набирать обороты чистый вымысел. Однако с полной достоверностью отличить одно от другого невозможно: что одному чистая правда, то другому — бессовестная ложь. Гурджиев был прирожденным актером, великим знатоком бесчисленных трюков и уловок. Если то или иное действие не вызывало у него никаких угрызений совести, он действовал без всякой оглядки на ожидания и чувства окружающих его людей. В духе представлений святого Павла об истинном христианине, Гурджиев был «сам себе закон» и руководствовался «любовью». Пожалуй, в нем умер архи-

мандрит, ибо он всегда проводил знак равенства между совестью и верой.

Эпизоды своей жизни Гурджиев воспринимал как глубоко личный опыт и завесу над ним приоткрывал лишь тогда, когда чувствовал, что этот опыт имеет внеличностную ценность, то есть может сослужить службу человечеству в целом, хотя большая часть представителей этого человечества, как прекрасно осознавал маг, далеко не готова к восприятию «голой» истины. Конечно, были и другие, куда более прозаичные мотивы. В главе под названием «Материальный вопрос», лишь позже присовокупленной к «*Встречам*», Гурджиев откровенно рассказывает о том, как перебивался всю свою долгую жизнь, достигая всего исключительно собственными силами и стремясь сколотить состояние, не прибегая к чьему-либо покровительству. Глава эта имела целью убедить потенциальных американских спонсоров в том, что он всегда самостоятельно финансировал свои экспедиции и эксперименты, а любую материальную помощь щедро оплатит соответствующими энергиями.

Весьма любопытно и очень характерно то, что самые достоверные сведения, которые Гурджиев приводит в своей «автобиографии», относятся к его детству. Детство само по себе является магическим и священным периодом в жизни каждого человека. Порой бывает так, что именно воспоминания, связанные с детством, до конца дней остаются нашим самым захватывающим приключением. Но даже повествуя о первых годах своей жизни, Гурджиев подспудно передает читателю важное послание. Оно может быть выражено заповедью, полученной Моисеем от Бога: «Чти отца своего и мать свою». Родители — боги для своих детей. Жизнь личного бога Гурджиева, его отца, оборвала пуля, пущенная турецким солдатом в 1918 году.

Как отмечалось выше, как снова и снова подчеркивал самый яростный критик биографов Гурджиева Пол Бикмен Тейлор, исследователи совершенно напрасно пытались свести воедино любопытные «факты», представленные во «*Встречах*» и иных работах, и общеизвестные факты исторические. Тейлор утверждал, что невозможно, прибегая к подобным методам, написать «обычную»

биографию столь необычной личности. В своей работе «Г. И. Гурджиев: новая жизнь», Тейлор скрупулезно, шаг за шагом, опровергает достоверность личных наблюдений и иных деталей повествования, описанных магом в своих книгах. Я, в свою очередь, вообще не считаю, что мы располагаем *каким-либо* материалом для написания биографии в общепринятом смысле слова, и уж тем более не собираюсь создавать агиографии. До конца Первой мировой войны мы располагаем лишь самым фрагментарным материалом, которого достаточно лишь для того, чтобы начать *исследование* Гурджиева-человека. Но даже там, где его повествование о вечных поисках вечной истины окончательно теряет связь с какой-либо исторической реальностью, мы можем узнать много интересного о самом человеке, его идеях и мотивах. А порой и нечто большее.

Пожалуй, больше всего обескураживает потенциальных биографов тот очевидный для большинства факт, что период, предшествовавший созданию Института гармонического развития человека, как раз и является самым важным, интригующим и притягательным для исследователя жизни Гурджиева. По крайней мере, в гурджиевском описании. Если, конечно, допустить, что его описание этого периода действительно основано на фактах, — допущение, которое остается под большим вопросом. Да, мы располагаем достаточным количеством материала о последних тридцати годах жизни Гурджиева. Но его деятельности в Париже и Соединенных Штатах после 1922 года катастрофически не хватает той «сочности», приключенческого духа, свободы, разнообразия, откровения и дерзкой магии, которыми изобилует его жизненный путь до сорока лет. Даже при условии, что большую часть рассказанных им историй мы не принимаем на веру, а воспринимаем как нравоучительные басни. Человек, к которому так тянулись ученики, был личностью воображаемой, личностью, совершавшей, наподобие классических героев, путешествия в поисках высшей истины, побывавшей в мистических краях, общавшейся с удивительными существами. Этот образ ученики проецировали на реального человека, которого видели перед собой, и все его странные выходы или требования от-

носили на счет жизни, посвященной упорным поискам вечных истин, разумеется, увенчавшимся успехом. То, что Гурджиев мог узнать о высшей реальности, об абсолюте, было и остается сокровенной мечтой для его многочисленных последователей.

Во что же нам остается верить? Нам остается верить лишь в то, что Гурджиев был человеком, который рассказывал свою весьма необычную историю весьма необычным способом. Поняв этот способ, мы, возможно, сумеем нарисовать более точную картину, прийти к более полному пониманию этого человека, чем сделали бы, просто ознакомившись с достоверными событиями из его жизни. К тому же, внимательно изучая порой противоречивые рассказы Гурджиева о вещах, которым он якобы стал свидетелем, время от времени мы будем оказываться в позиции человека, разбирающего Христовы притчи. Мы знаем, что притчи основаны на событиях, но они не являются ни историческими, ни биографическими документами. У них иная, более высокая цель. Они были написаны для того, чтобы доказать миру истину, в которую свято верили те, кто составлял эти притчи: Иисус есть Сын Божий, Спаситель. Эта истина была абсолютно очевидна авторам, и с их точки зрения была куда более важна, чем обычные «исторические факты», которые без понимания их внутренней подоплеки расценивались как лишенные смысла. Впрочем, стоит отметить, что для авторов притч описываемые в них истины *действительно* имели место быть и были засвидетельствованы земными мужчинами, женщинами и детьми как «Слово, ставшее плотью». Обычный журналист оставил бы нам основанное на фактах описание Иисуса, распятого на кресте; возможно, даже сделал бы вывод: не стоит слишком рьяно противопоставлять себя власть имущим, потому что, если получится, — жди неприятностей.

Иными словами, под повествованием Гурджиева, несомненно, кроются реальные события, которые иногда даже всплывают на поверхность. Это как текст, написанный поверх другого текста: время от времени даже удастся распознать, что там было написано «внизу», под яркими чернилами главного повествования. И в поисках этой

скрытой, внутренней истории мы будем не столько «доказывать истинность» тех или иных фрагментов, сколько стараться понять, какое влияние оказали различные исторические силы и события на мысли, чувства и поступки Гурджиева. Ознакомившись с ними внимательнее, мы сможем лучше понять его непростой, порой противоречивый характер, его истинные намерения, а главное, его неподражаемый энтузиазм и неутолимую жажду знаний. Конечно, полной картины составить не удастся. Зато, с моей точки зрения, она будет куда реалистичнее, чем все то, что создавалось до сих пор.

Составить биографию, состоящую из достоверных фактов, в случае Гурджиева на данный момент не представляется возможным. По крайней мере, до его встречи с П. Д. Успенским в Москве в 1915 году. Но мы можем провести объективное расследование. Ничто не мешает нам попытаться приблизиться к разгадке тайны Гурджиева. Оговорюсь, что всегда остается риск, что отдельные части данной работы, или даже вся она в целом, могут быть расценены как агитация теми, кто интерпретирует имеющуюся у нас на данный момент информацию иным образом.

Перед таким биографом, вернее, исследователем фактического материала, встает далеко не самая простая задача. Но именно трудные пути порой приводят нас туда, куда никогда не попадет менее отважный путешественник. Нам предстоит не просто рассказать интересную историю, нам предстоит разложить на составляющие имеющийся у нас материал и проработать отдельные его части, интерпретируя их как способы понять существовавшего в реальности человека. Если по окончании этого путешествия мы будем понимать человека лучше, чем до его начала, значит, усилия не были потрачены даром.

16+

Литературно-художественное издание

Тобиас Чертон

РАЗБИРАЯ ГУРДЖИЕВА
Биография духовного мага

Перевод *М. Нечаева*

Редактор *А. Костенко*

Консультант *Т. Ткаченко*

Корректоры *Е. Яковенко, Т. Селезнева*

Оригинал–макет *Г. Булавко*

Обложка *И. Дерий*

ООО Книжное издательство «София»

115191, г. Москва, пер. Духовской,
д. 17, стр. 15, этаж 2, ком. 11, оф. 26

Подписано в печать 30.05.2018 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 4000 экз. Зак.

Вся дополнительная информация на сайте:

www.sophia.ru

Мы в соцсетях

facebook.com/SophiaBooks

vk.com/sophia_publishing

[instagram: sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)